

Андрей ПЕРМЯКОВ

МИР, КАКИМ ОН МОГ БЫТЬ И ОДНАЖДЫ ПОЧТИ СТАЛ

Андрей Гришаев. Останься, брат. – *Ozolnieki: Literature Without¹ Borders*, 2020. – 140 с.

Евгения Риц. Она днём спит. – М.: Русский Гулливер, 2020. – 120 с.

Летописи знают много случаев, когда художник, литератор, композитор, либо иной творец не совпадал с выпавшим ему временем и делался знаменитым спустя много лет. Более редок иной вариант: некое явление возникает, точно закрывая лакуну, существовавшую в минувшем времени. Причём в очень плотном времени, заполненном разнообразными художественными течениями, сохраняющими своё значение поныне. Самый очевидный пример – прерафаэлиты, обратившиеся, минуя своих непосредственных и опосредованных предшественников, к флорентийцам, жившим четырьмя веками ранее.

Две книги, вышедшие в 2020-м году и ставшие предметом нашего разговора, такой однозначной привязки к когда-либо существовавшим литературным предкам не имеют. Ещё несколько лет назад их авторов, Евгению Риц и Андрея Гришаева, называли «крайне важными поэтами своего поколения». Уже тогда апелляция к определённому возрасту и определённой генерации казалась излишней, а теперь, будем надеяться, осталась в прошлом. Это действительно значимые, влияющие и любимые авторы вне календарных и паспортных моментов. А вот их книги имеют вполне определённое время действия. Как в следующем тексте Евгении Риц:

<...>

Зимний день переходит в другой порядок,
Весь разрезан, разрежен на горловой подложке,
Как аспирин и сода
Неисцелимо
Полоскали голос в весьмадесятом,
Разбавляли жёлтым фурацилином
Между концом и началом года
Делится атом.

«Весьмадесятые» – отличное определение хронотопа. В самом деле, формальных примет наступившего века или даже финала века минувшего у читаемых нами авторов немного. У Гришаева часто приметен в руках смартфон, но мало ли как поэт назовёт средство фиксации своих мыслей? Встречаемый полицейский? Однако стихотворение, приведённое выше, происходит *настолько везде*, что о времени и месте действия читатель волен додумывать разное. А нередко упоминаемая и очень фундаментальная «Пятёрочка» вполне может быть принятым в квартале именем магазина на углу. Зато базовое место действия многих стихов – Ленинград, город, которого тридцать лет как нету. Обращение «*Сохрани это в облаке*» при прочтении из нашего времени являет собой красивую двусмысленность, но, в сущности, тоже не слишком обязательную.

Риц называет свой город «Нижним», однако его так многие называли всегда. Сравнительно недавнюю прозаическую, но очень поэтичную публикацию Евгения озаглавила «Фрагменты путеводителя по Горькому»². И «Лето 2010-го года», ставшее

¹ Так в оригинале. Вообще-то английские предлоги пишут с прописной, даже в заголовках, но издателю видней.

² Евгения Риц. «Фрагменты путеводителя по Горькому». Сноб. 14.05.2017.
<https://snob.ru/selected/entry/124312/>

циклом стихов, вполне могло быть летом 1972-го, когда пылали предыдущие леса. Хотя в её стихах живы Дашевский, Горбаневская. Есть Зара, Арбидол, Манго и хостелы. И в Горьковском метро уже целых полторы ветки. Но всё равно *«Песня о русской зиме на иврите / Из приёмника “Вэф”»* убеждает и звучит реальнее, чем упоминания 94-го и 95-го годов. И аскорбинка реальней. И, конечно, ириски. А ещё в книжке трижды упомянут целлофан. Его ведь почти нет теперь. Даже цветы заворачивают в плёнку БОПП.

Но главное – иное. Главное – незаполненный звук времени, не наставшего после семидесятых-восемидесятых. Звуку ничто не мешало возникнуть тогда. Не только ведь поэты, ставшие персонажами этой публикации, но и все мы действительно родом из семидесятых, во многих смыслах слова. Тогда возникло много удивительных явлений, определяющих современную культурную ситуацию: от постконцептуализма в его русском изводе до метаметафористов, «Московского времени»... всего прекрасного не перечислишь. А такого звука не возникло. Почему? Вроде, все составляющие уже были. В цитируемом далее стихотворении Гришаева, кажется, легко найти отсылки к моментам давних лет. Это сейчас совмещать в одном верлибре Мандельштама, Пастернака и советскую песню рискованно: может показаться ретроградством. А в упомянутые времена подобные методы приручения социального были популярны. Правда, получалось нечасто:

Рабочие и свидетели сцены
Переговариваясь, расступались

Я люблю тебя жизнь ты мгновенна

Кто это сказал? Человек с киркою
Кивает

Похожий на позднего Мандельштама
Смотрит напряжённо
Будто фотографируется
На последний паспорт

Совершенно очевидно, что строки написаны сейчас. Есть в них малоуловимые, но важнейшие паттерны времени. Но с минимальным сдвигом звучания они могли возникнуть и несколько десятилетий назад. Отчего ж не возникли? Кроме банального замечания о том, что чудеса свершаются или не свершаются вовремя и у этих чудес есть создатели, сказать, кажется, нечего. Но мы попробуем. И, может быть, проведём некоторые важные параллели и перпендикуляры к тем временам.

Только сперва уточним существенный вопрос: отчего эти книги мы рассматриваем вместе? Дело же не в годе выпуска? Кажется, у их авторов нет взаимных отсылок. У них вообще, назло и вопреки моде, очень мало цитатности, центонности, перекличек с ровесниками. Да и с прошлыми поколениями поэты эти чаще общаются через не прямые отсылки, как в приведённом выше тексте Гришаева.

Впрочем, если выйти чуть за пределы рассматриваемых сборников, можно найти немало важных моментов. В предыдущей книге³ Андрея Гришаева есть ставшее весьма известным стихотворение:

У него в кармане зажигалка и коробок.
К бывшей жене он идёт, дядя в плаще.
Там угрюмый пацан, огрызающийся на «сынок».

³ Андрей Гришаев. Канонерский остров. М.: Воймега, 2014. – 96 с.

Они пьют чай и ни о чём вообще...

Книга «Она днём спит» содержит текст, начинающийся аналогично:

У него в кармане ледяная рука,
Ссаженные костяшки, ветер знобит деревья.
Это вопрос веры или доверья,
И мера невелика.
Или это всё музыка, музыка, лёгкая болтовня,
Трёп белья на верёвке, колкие поколоченные ковры.
С каждым слоем всё больше меня
Остаётся без кожиры.

Конечно, все совпадения абсолютно случайны. Зато расхождения – невероятно интересны. Возможно ли, что здесь мы видим того же «дядю», возвращающегося домой? Вполне. Теперь сопоставим. Текст Гришаева, завершившийся появлением у колен лирического героя кошки, некогда жившей в доме оставленной семьи, являет человека довольно сосредоточенного. Он идёт на эмоционально нелёгкое общение, чуть сбившись, сложив в один карман коробок и зажигалку. В душе, безусловно, происходят чрезвычайно бурные движения, но это всё сказано через нюансы звучания. Он (сугубо лирический герой, а не гипотетический автор!) воспринимает вторжение чего-либо как трансгрессию, нарушение границ мира. Тем более – кошки, которой уже давно как, вроде, нет на свете.

Марианна Ионова писала, рассказывая, опять-таки, о предыдущей книге автора: «...лирический герой Гришаева пребывает в неразрывной связи с вещами мира как многосоставным целым. Его окружает *природа*, но мы не встретим мало-мальски законченного, достоверного ландшафта, “пейзажа”. Лес, облако, снег и т. п., – все это знаки, почти обобщенные значки, представляющие то целое, с которым герой напряженно соприкасается. Птица – уже больше, чем знак; это даже не символ жизни, скорее ее воплощение»⁴. Соответственно, превращение символа в конкретный предмет – явление особое, важнейшее для стихов Гришаева.

Рассеянный герой Евгении Риц принимает мир целиком, будто глядя на него собственными глазами и заодно глазами тех, кого он видит. Буквально переходя на их точку зрения в какой-то момент:

Человек качается на руках,
Он ещё не видел весну и лето.
Это твой человек, это его страх,
Его новое лёгкое тело.
Никогда уже не будет столько воды,
Но будет, наверное, много снега.
Линию по ладони веди-веди
До третьего века.
От окна к постели плывёт перевёрнутый свет,
Но нам ли знать, так ли он перевёрнут,
Или это просто осколки комет
Толкутся в зрачке, как зёрна?

Младенцы же видят мир перевёрнутым по сравнению с нами. То есть мы видим его так же, но мозгу удобней разворачивать картинку – для нашей безопасности.

⁴ Марианна Ионова. Простое назначение. О книге Андрея Гришаева «Канонерский остров». Новый мир. 2014. № 8.

Или вот героиня стихотворения, строчка из которого стала названием книги, очень напоминает вампира. Но это своеобразный вампир, присваивающий не кровь, не душу, даже не внешность, но нечто ещё более тонкое: визуальный образ, оболочку оболочки:

<...>

Но что ей кровь? Она поднимет веки
И свет из глаз сосёт, и цвет пускает вглубь,
И вот уже на месте человека
Темнеет контур незнакомых губ,
<...>

Потерпевший, ничего не заметив, уловлен чужим миром. Экономика обмена света на цвет честна, хоть и не всякому доступна.

Упаси Господь выяснять, какой из вариантов взгляда на окружающее и сотворения личного мира лучше или хуже! То есть существуют любители поэзии, предпочитающие стихи Риц стихам Гришаева или наоборот. Это нормально и даже отлично. Но ценность их миров особенна. Вадим Калинин интересно сказал о книге «Она днём спит». И о лирической героине, и об авторе книги тоже: «В её причудливой вселенной никогда не возникнет ничего обычного. Её желание тому гарантией. Эта её трогательная забота о вверенном ей мире может показаться вам странным капризом. Её ваше мнение по этому поводу и многим другим поводам, само собой, не волнует. Она не ждёт одобрения ни от кого и ни перед кем не отчитывается. Она просто щёлкает пальцами и превращает скучные банальности в неудобные чудеса»⁵. С переменной местоимения и мелких нюансов ровно то же следует сказать о книге Гришаева.

Антиподами трепетному миру поэтической книги в статье Калинина становятся миры вполне фундаментальные. Созданные интеллектуальными, ироничными умными авторами фантастики, фэнтези, да и литературы, носящей имя «интеллектуальная». Здесь Калинин делается Станиславским, говоря традиционное «Не верю!» Странно, да? Так всё проработано, так всё хорошо, уже почти получилось... Но нет. Почему? Опять процитируем его рецензию: «Мне кажется, что Евгения Риц сознательно истребляет цельные нарративы и сюжеты в своих текстах. Как только нарратив высовывает свою банальную, предсказуемую, насквозь логичную голову, Евгения поступает с ним, как жестокая и своенравная колдунья. Она не уничтожает и не выкорчёвывает его. Она превращает его в причудливое, неожиданное и странное нечто. В пугающее чудо».

Да. Осталось лишь вспомнить теорему Гёделя о неполноте. Её цитируют к месту и не к месту, но в отношении рассматриваемых нами книг она кажется почти необходимой. Приведём формулировку теоремы в популярном, не строгом, но не упрощённом варианте: «Всякая система, начиная с определённого уровня сложности, или противоречива, или неполна».

То есть при устройении некоего мира предстоит выбор: или жёстко заданный, подробно расписанный континуум будет буксовать на стыках, или следует задать лишь некие пункты и контуры. Тогда созданное будет способно к эволюции. Создатель, похоже, так и сделал когда-то. Говорят, наш большой и видимый всеми мир тоже состоит из пустоты. И вообще мерцающие, по-разному мерцающие вселенные надёжней фундаментальных.

На словах и в теории всё просто. Но есть важнейший момент: недостроенность мира – необходимое условие его жизни и эволюции, однако чрезвычайно недостаточное условие! Сколько мы видели неудачных вселенных, выстроенных литераторами? Тут и включается мастерство, тут и возникает своеобразие. Мир Евгении Риц действительно параллелен. Там живут, фиксируя реальность, эльфы и сильфиды. Но это другие эльфы, из

⁵ Вадим Калинин. Недостающие вселенные (Евгения Риц. Она днём спит). Новый мир, 2021, № 1.

не слышанных нами сказок. Устройство того мира делается понятным при взгляде на совсем небольшой образ. Как палеонтолог воспроизводит быт древнего человека по найденной косточке, так и мы, наблюдая фрагмент, достраиваем иную реальность:

<...>

Овобелый муравей –
Мелиоратор и локатор,
И черно-белых крошек клад
Суёт шестой и пятой лапой
В раздвинутые рты ребят.

Тут «У бывших цветами растений / Отрастают свои города». То есть созданное саморазвивается, зыблясь контурами. Те контуры реальней реального мира. Ибо мир прячется в траве, а контурная карта мира – в Господнем рукаве:

Земля говорит:
«Господи, спрячь меня в траве.
Моё жадное сердце, спрячь и его в траве,
Чтоб грудная жаба, ряска, осока,
Синяя стрекоза,
Чтоб горящий спирт
Твоего востока
С утра заливал глаза».

Карта мира говорит:
«Господи, спрячь меня в рукаве».

Гришаев творит несколько иначе. В его стихах есть совершенно явные точки кристаллизации и опоры. Отец, мать, сестра, брат. Хотя чаще – нераздельный сестра-брат, как отметил Пётр Разумов в своей рецензии⁶. Сам Гришаев себе в стихах тоже брат, и Ленинград ему брат. Марианна Ионова писала в упомянутой статье: «Что же до ленинградской традиции, то, вероятно, единственной нитью, которая привязывает к ней поэзию Гришаева, будет Леонид Аронзон. Собственно, на него всякий разговор о ленинградской традиции неизбежно и выводит, но здесь контакт непосредственный (что не значит умышленный)». И тут же отмечала разницу: для Аронзона главное – Поэт, живущий в идеализированном мире, а для Гришаева – человек в окружении мира реального. Это ровно так. Кажется, для поэта просто физически необходимо убеждать себя в реальности и плотности мира:

Зашёл я в магазин.
К молочному прошёл отделу.
Я торопился.
Там лежало:
Сырки, сырки, сырки,
Творог, сметана,
Молоко стояло –
Одно, другое.
Масло, масло.

⁶ Пётр Разумов. Хрусталь внутри алмаза. Артикуляция. 2020 (ноябрь). № 172.

Я пачку масла взял.
Оно ожившей тяжестью
В ладонь легло.

И отпустило.

Наверное, отсюда же постоянное (и раздражающее некоторых) обращение Гришаева к братьям меньшим: брат-ёж, брат-лис, много-много братьев мышей. Или нечто вовсе мелкое, сопоставимое при этом с чем-то громадным. Так в стихотворении, начинающемся с облака, возникает букашка, а лирический герой связует их: *«Я муравей, и я имею тело»*. Безграничное, квантовое, но при этом – вполне определённое тело.

Для определения тела и нужны они – зверюшки, облака, насекомые – почти мультяшные, по крайней мере, апроприированные человеческой культурой. Но настоящие, к ним смерть приходит:

В из земли вынутую коробочку
С мышки телом
Довложить забытое:

Трамвайный билет счастливый
(Для перемещения подземного)

Два боба лаковых
(Для роста и пропитания)

Спичку
(Для временного освещения)

Не оставь и нас
Здесь и сейчас
Исчезающих

Спой тело мышкино
Здесь и ниже и ниже и
Далее везде

Неживое ведь не умирает. Хотя не умирает и живое – до тех пор, пока мы говорим о нём. Прошное реальней актуальной серости, когда: *«Это снег или что / За стеклом грязноватым / То ли есть, то ли нет...»*. Тут, кажется, и настало время поговорить, отчего поэты Гришаев и Риц не могли появиться раньше.

Опять процитируем рецензию Вадима Калинина: «Наша юность пришлась на вольные и опасные 90-е. Мы готовились к жизни в совсем другом мире. Мы ждали, что будущее окажется благосклонным к ярким неординарным личностям, обладающим уникальными умениями и неординарным мировоззрением. Мы учились жить среди опасной свободы. Мы научились любить опасную свободу и чувствовать себя в ней, как рыба в воде. Мы овладели сложными редкими знаниями и умениями. Мы стали самобытны и яркие. Но мир снова пресуществился. <...> Мир и общество упростились. Мы остались такими же, как и были».

Это так, но есть важный момент: девяностые были затянувшимся дебошем на выпускном вечере по случаю получения дипломов. Сформировались мы раньше. Стихи

Риц при всей их необычности растут из тех сереньких времён, «где советский дёргает нерв / Жидовская нотка / Под окном старается изо всех москвич или волга». Лирический герой Гришаева, глядя в зеркало, непременно видит «...черты лица / То деда, то матери, то сестры, то отца». Девяностые теперь выжаты досуха. В них ищут причины своих бед, успехов, проблем, возможностей. Ищут рифмы, темы, ищут детство, юность и молодость. То есть они, девяностые, присутствуют. Они – не прошлое. Они – настоящее, которое не нравится почти никому. Энергия же действительного прошлого прозябает втуне. И это очень грустно.

Прошлое реально, прошлое неизбежно, прошлое определённо. А настоящее... Тут лучше привести длинный, но необходимый текст Андрея Гришаева:

Я посетил пустое поле.
Я помню дни, когда красивый мяч
На нём парил, и школьники орали.

Но как-то потемнело, мяч ушёл,
И дети укатились по домам.

Сидят и ужинают, делают уроки.
Но души их, ну хорошо, не души,
Их мысленные контуры, которых
Они на нитке тихо отпускают –

Остервенело бегают по полю,
Толкая жирный и блестящий мяч.

И забивают гениальный гол.

А мысленный вратарь, жуя котлетку,
Летит и гениально достаёт.

Мы пролетаем детство, землю, дом –
Всё собрано из серебристых точек,

И в глубине футбольные ворота
Вышагивают с дикой хромотой.

Всё будет – там, а здесь – ничто не будет,
Ничто не будет – там, а здесь – здесь будет всё,
Всё будет – но нигде.

Всё собрано из точек серебристых.

И поле, на котором ни души,
Ни мысленного контура.

То, что сложилось сейчас, уже сложилось. О нём говорят разное, оно существует, даже как-то цветёт и даёт плоды. Но в своём зародыше, в своей потенциальной энергии свершившееся настоящее было совсем иным. Увы, но всё, случившееся позже, не только зачастую печально, но и занесено огромным количеством ненужных слов и ненужных стихов.

Снова обратимся к прерафаэлитам. Ностальгия по временам раннего Возрождения существовала уже во времена Шекспира: во многом его творчество и было попыткой продолжить возрожденческую линию. Попыткой более чем успешной – лучшие цветы расцветают в финале сезона. А прерафаэлиты были вынуждены идти далеко в глубину, отвергая «за грубость чувств» и Шекспира, ставшего каноном, и ещё более каноничное Высокое Возрождение. Отвергая, разумеется, на крайне субъективных и очень личных основаниях, не ставя под сомнение значимость этих явлений для мировой культуры.

При всей условности аналогий, Гришаев и Риц делают нечто похожее. Выращивают собственную ветвь от *очень базового* ствола русской поэзии. Или собственные ветви – поэты они, скажем опять, совсем разные, и прерафаэлитов мы привели лишь как историческую аналогию, не более! Хотя «Сочетание романтического обобщения и реалистичности детали»⁷ – определение довольно точное.

В любом случае, девяностые и последующие годы в том виде, в каком они состоялись и продолжаются, оказали на рецензируемых поэтов крайне косвенное влияние. При этом те годы действительно были. Продолжая условные аналогии, можно представить, что в середине XX века появился барочный музыкальный цикл «Музыка на воде». При допущении, что Гендель не написал тот цикл двумя веками ранее. На этот цикл окружающий мир повлиял бы несомненно, хотя и непредсказуемым образом. Но музыка бы всё равно оказалась явлением двадцатого столетия.

Аналогично, книги Риц и Гришаева, как и в целом их работа – явление абсолютно современное. Но несложившееся прошлое просвечивает сквозь стихи. Как фантом, как сад внутри сада. При том, что и в наружный сад уже войти нельзя – время не впускает:

Он увидит сквозь дырку в заборе
Вечереющий сад, и в саду
Механический сад, и всё горе
Сладкой взвесью осядет во рту.
Эта дырка – не память. На память
Только светлая дырка, и в ней
Пять минут собираются падать
Много листьев с ветвистых теней.
Он увидит сквозь дымку в просторе
Отцветающий глаз, и в глазу
Электрический лес из историй,
Отвечающих звуком на звук.
Молоточек ударит, и эхо
Из коленки по локтю пойдёт,
Это связан скелет человека,
Точно сад и оставленный плод,
Или лес и грибы в перелеске,
И сухая рука грибника,
Прижимаясь к колючей железке,
Ничего не снимает пока.

(Евгения Риц)

В начале рецензии мы мельком сказали о значении и влиянии рассматриваемых поэтов. Действительно, подражателей у них много. И подражатели сплошь крайне неуспешные. Без исключений. Дабы найти примеры, довольно открыть любой выпуск любого хорошего сетевого издания. Формально момент странный: казалось бы, и у

⁷ Джон Рёскин. Лекции об искусстве / Пер. П. Когана под ред. Е. Кононенко. – М.: БСГ-Пресс, 2006. – 319 с.

Гришаева, и у Риц стихи держатся сугубо на звуке и музыке. А это сути, которые можно скопировать. Только получается как у городских групп, которые лет сорок назад играли «Битлз» лучше, чем сами «Битлз». Видимо, мысль изречённая, хоть и ложь она, пропитывает тексты, предавая им нечто невозпроизводимое.

При лёгкости стиля и малом объёме книги получились тяжёлыми. Опять-таки, в нескольких смыслах: и как воспоминания о несложившихся мирах, которые были столь близки нам в пространстве и времени, и по неотменимости своей. Созданные вселенные существуют долго.